

A woman with long, wavy blonde hair is crouching in front of a large, ornate black metal gate. The gate is engulfed in bright orange and yellow flames, creating a dramatic and intense background. The woman is wearing a light-colored, sheer, backless dress with thin straps. She is looking back over her shoulder towards the camera with a serious expression. The overall scene is set in a dark, stone-walled environment, possibly a castle or a dungeon, with the fire providing the primary light source.

Александр Эрот

*Покорная веб кам модель ставшая
рабыней*

18+

Александр Эрот

**Покорная веб кам
модель ставшая рабыней**

«Автор»

2026

Эрот А.

Покорная веб кам модель ставшая рабыней / А. Эрот — «Автор»,
2026

Алина тонула в долгах, когда отчаяние толкнуло её в мир вебкам-тинга. Это казалось простым способом спастись от нищеты. Но в её цифровой клетке появился «Куратор» — анонимный богач, чьи щедрые чаевые скрывали зловещую цену. Его приваты стирали память, оставляя лишь липкий ужас и странные синяки на теле. Спрятав камеру, Алина узнала страшную правду: её вводили в гипнотический транс, превращая в безвольную марионетку для элитной сети извращенцев. Когда «Куратор» обнуляет её счета и начинает шантажировать близких, героиня падает на самое дно. Но в момент абсолютной потери «Я» в ней рождается холодная ярость. Отбросив роль жертвы, Алина решает стать оружием. Заручившись поддержкой соседа-хакера, она надевает маску идеальной рабыни, чтобы изнутри разрушить империю теней. Сможет ли хрупкая девушка перехитрить кукловодов в игре, где один неверный клик означает вечное рабство? Захватывающий эротический триллер о цене свободы, цифровом рабстве и мести в прямом эфире.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Эрот

Покорная веб кам модель ставшая рабыней

Пролог

Свет монитора был единственным источником жизни в темной комнате, отбрасывая на лицо Алины бледные, мертвенные блики, пока на экране разворачивалась ее собственная, украденная реальность. Запись с скрытой камеры была безжалостна: вот она, Алинка, сидит в шелковом кресле, а голос «Куратора», звучащий как бархатный яд, плавно обвивает ее сознание, заставляя зрачки расширяться и стекленеть, пока маятник на экране стирает грань между ней и марионеткой. В комнату вошли трое мужчин — их силуэты казались естественными, а движения — выверенными и ленивыми, как будто они делали это не в первый раз.

На экране загипнотизированная Алина не сопротивлялась; наоборот, в ее покорности была пугающая, неестественная красота абсолютного подчинения. Она скользила на коленях с грацией одержимой, ее пальцы легко и послушно расстегивали пуговицы на чужих брюках, а губы, ранее произносившие слова гордости, теперь шептали только слова благодарности за то, что ей позволили служить. Мужчины касались ее тело с той собственнической нежностью, с какой коллекционер прикасается к редкому фарфору, и она принимала их ласки, их шепот, их приказы, превращаясь в идеальное зеркало их самых тайных, темных желаний, отдавая им тело, и свою волю.

В настоящем времени Алина смотрела на это, и слезы, горячие и соленые, текли по ее щекам, смешиваясь с чувством первобытного, извращенного ужаса, потому что самая страшная истина открылась ей: на экране она выглядела счастливой в своем рабстве. Она медленно протянула дрожащую руку и нажала кнопку выключения, погружая комнату во тьму, но образ ее собственной, улыбающейся в пустоту покорности навсегда остался выжженным на сетчатке ее глаз, став самым жестоким напоминанием о том, что истинная смерть личности наступает когда воля отдается во власть чужой.

Глава 1

Комната была наполнена не воздухом, а вязким, почти осязаемым ожиданием краха. Алина сидела на старом ковре, чувствуя, как холод паркета просачивается сквозь тонкую ткань домашнего платья, проникая в самое сердце её равновесия. Вокруг неё, словно опавшие осенние листья, лежали счета — белые, безжалостные прямоугольники, исписанные цифрами, которые грозили вычеркнуть её жизнь из списка существующих. Каждый из них был как терновый венец, возложенный на алтарь её незащитности. Она смотрела на них, и в этом взгляде было то самое первобытное, невыносимое отчаяние, которое делает человека хрупким, словно тончайший фарфор перед ударом молота. В тишине квартиры слышался лишь её прерывистый ритм дыхания, похожий на шелест крыльев птицы, запертой в клетке, чьи прутья были выковыраны из долгов, страха и невыполненных обещаний.

Она знала: если она не сделает вдох, если она не заставит себя взглянуть в глаза бездне, бездна поглотит её целиком, не оставив даже тени. Алина медленно повернула голову к зеркалу, стоявшему в углу, пытаясь разглядеть там ту женщину, которой она была еще вчера — женщину, полную надежд, которая верила в справедливость мира. Но зеркало возвращало ей лишь образ существа, чья красота была загнана в ловушку обстоятельств. Она коснулась своих губ кончиками пальцев, ощущая их холод, и в этот момент в её голове родилась мысль, столь же дерзкая, сколь и пугающая. Если мир требует платы за существование, если он жаждет того, чтобы она стала объектом, то она сама выберет правила этой игры. В её глазах, только что полных ужаса, промелькнула искра — это была не радость, но осознание власти, даже если эта власть была оплачена добровольным выходом в тень.

Она встала, чувствуя, как пол под ногами слегка покачивается, словно палуба корабля, уходящего в неизвестность. Её руки, до этого дрожавшие от слабости, вдруг обрели странную, почти отрешенную твердость. Она подошла к ноутбуку, стоявшему на столе — черному монолиту, который должен был стать её порталом в иную реальность, где её лицо будет скрыто, а желания других людей станут монетой, спасающей её семью. В этом движении было что-то глубоко эротичное и одновременно трагическое, своего рода инициация в мир, где границы дозволенного стираются в угоду необходимости. Она поправила волосы, распуская их каскад по плечам, и посмотрела в объектив веб-камеры, который выглядел как единственный живой глаз в этой немой, полупустой комнате.

Алина подумала о том, что значит быть увиденной, не будучи узнаваемой. Это было искушение стать чистым образом, освобожденным от веса своей биографии, от груза неудач и стыда. В этот момент она больше не была девочкой, заваленной счётами; она начала превращаться в актрису собственного освобождения. В комнате стало темнее, и лишь монитор освещал её лицо, делая кожу почти прозрачной, словно пергамент, на котором она собиралась написать историю своего падения, чтобы, возможно, через него обрести крылья. Она знала, что делает шаг в сторону, где свет ламп смешивается с тьмой человеческих влечений, но другого пути не было.

Алина приехала в студию, где работали вебкам-модели, заполнила анкету, и ей сразу предложили выйти в эфир, она согласилась.

Она медленно нажала кнопку «подключиться», чувствуя, как по венам разливается адреналин — холодный, лишаящий рассудка и одновременно дарующий ясность. Камера фиксировала её черты, и в ту долю секунды, когда индикатор загорелся мягким синим светом, Алина почувствовала, что её прежняя жизнь, такая упорядоченная и уязвимая, осталась по ту сторону границы. Теперь перед ней лежал океан, в котором она собиралась научиться плавать, не боясь утонуть в чужих фантазиях. Её губы едва заметно дрогнули в улыбке, в которой чита-

лось больше печали, чем предвкушения, но в этой улыбке уже присутствовала готовность к трансформации.

Она присела перед экраном, откинув голову назад, позволяя свету ласкать ее шею. В этой позе была грация жертвы, которая осознает, что именно ее жертвенность делает ее желанной для тех, кто находится по другую сторону экрана. Алина смотрела прямо в камеру, ее глаза — все еще полные той же глубины и драматизма — теперь стали зеркалом, в котором каждый, кто посмотрит на неё, увидит воплощение собственных тайн. В этой первой веб-кам трансляции, в этой хрупкой тишине, была та самая точка невозврата, за которой начинается путь, полный боли и сладости, путь, который превратит её из объекта обстоятельств в творца собственной судьбы, даже если цена этого — потеря невинности в цифровом шуме. Она была здесь, она была собой, и в то же время — она уже перестала быть той Алиной, которую все знали.

Вечер мягко опускался на плечи города, окрашивая бетонные джунгли в цвета увядающей розы и сепии. Марго стояла на балконе студии, чувствуя, как холодный ночной воздух пробирается под тонкую ткань ее шелкового халата, но она не спешила уходить. Ее пальцы, тонкие и изящные, сжимали дымящуюся сигарету, огонек которой был единственной точкой тепла в этой холодной полумгле. Алина, все еще немного ошеломленная своим недавним решением, вышла следом, робко прислонившись к дверному косяку. Марго медленно повернула голову, и в ее глазах, утомленных тысячами чужих историй, отразилась вся мудрость женщины, познавшей цену свободы.

«В этом бизнесе самое дорогое — не тело, — произнесла она, и ее голос прозвучал как шепот самого искушения, низкий, бархатный, пропитанный горечью и опытом, — а контроль над собственной головой». Эти слова повисли между ними, словно тонкое кружево, сплетенное из предостережения и приглашения. Алина, глядя на дым, медленно тающий в ночи, не сразу осознала глубину этого признания. Ей казалось, что Марго говорит о пустой формальности, о защите личных данных в этом безликом цифровом пространстве. Она еще не понимала, что речь идет об алхимии души, о том, как сохранить себя, когда весь мир смотрит на тебя как на зеркало, готовое отразить любое, самое грязное желание.

Марго подошла ближе, и Алина почувствовала исходящий от нее аромат дорогих духов, вызывающего легкое головокружение. «Ты пришла сюда, чтобы продать свою молодость за решение своих проблем, — продолжала Марго, слегка касаясь плеча Алины, — но ты не понимаешь, что здесь торгуют не телом и не взглядами. Здесь торгуют твоим присутствием в сознании другого человека». Она видела в Алине то, что сама когда-то утратила, а затем обрела вновь ценой долгого и мучительного обучения. Каждая складка на одежде Алины, каждый ее неуверенный жест казались Марго не признаками уязвимости, а чистым холстом, на котором еще предстояло нарисовать узор ее новой, загадочной личности.

Алина молчала, чувствуя, как пространство между ними наполняется чем-то новым — странным, почти интимным напряжением учительницы и ученицы, свойственная лишь тем, кто осознал границы своего «я». Ей хотелось спросить, как именно можно сохранить этот контроль, когда каждое движение, каждый вдох транслируется в пространство, лишённое границ. Но Марго лишь улыбнулась — легкой улыбкой, в которой скрывалось приглашение к танцу, где партнеры никогда не касаются друг друга руками, но сплетаются сознаниями. В эту ночь балкон стал для Алины не просто местом для перекура, а алтарем, где она осознала: чтобы выжить, ей нужно не просто играть, а стать режиссером своей внутренней тишины.

Весь мир вокруг студии казался Алине неважным — эти счета, эти угрозы коллекторов, этот бесконечный цикл выживания. Сейчас, под пристальным взглядом Марго, она поняла, что может превратить свою зависимость в инструмент власти. Если голову можно превратить в неприступную крепость, то и все остальные части ее существа станут лишь инструментами спектакля, где она сама пишет сценарий. Марго снова затянулась, и дым окутал их, словно саван, защищающий от внешнего мира. «Запомни, Алина, — добавила она, глядя прямо в

глаза своей юной спутнице, — ты должна быть везде, но не быть нигде. Ты должна дарить им иллюзию обладания, чтобы они даже не подозревали, что ты — единственный человек в этой комнате, который остается полностью свободен».

Это было открытие, которое заставило сердце Алины биться иначе, быстрее, отсчитывая новую главу ее жизни. Она посмотрела на свои ладони, которые еще недавно казались ей жалкими и слабыми, и увидела в них инструменты, способные творить магию цифрового присутствия. Марго была для нее не просто коллегой — она была учителем той закрытой и манящей школы жизни, в которую Алина только что ступила. В этом молчании, среди неоновых огней города, Алина ощутила, как страх уступает место чему-то более глубокому и опасному — желанию узнать, на что она действительно способна. Ночь приняла их в свои объятия, и в глубине души Алины зародилась решимость, которая позже перевернет не только ее жизнь, но и саму структуру этой жестокой индустрии.

Теперь, когда Алина смотрела на город, он не пугал ее — он казался ей огромной сценой, где каждый человек был поглощен своими фантазиями, а она, почти прозрачная и неуловимая, была единственным зрителем, знающим истинную цену этой игры. Марго медленно отступила, оставив Алину наедине с этим новым осознанием, и в ее походке чувствовалась та самая грация хищника, который всегда знает, когда наступит время для решающего прыжка. Алина осталась стоять, глядя в темноту, и в этот миг она поняла: путь превращения начался, и назад дороги нет, да и не нужно, ведь впереди ее ждет власть, о которой она даже не смела мечтать.

Глава 2.

В этой комнате, отделенной от остального суетного мира лишь тонкими стенами и зыбким гулом системного блока, Алина начала свое долгое, тягучее посвящение. Это пространство — студийный бокс — было похоже на келью алхимика, где вместо философского камня добывалась эфемерная субстанция чужого внимания. Алина медленно переодевалась, чувствуя, как каждый предмет одежды, который она отбрасывала в сторону, облегчает ее связь с реальностью, оставляя наедине с холодной линзой камеры. Она знала, что за этим объективом — тысячи глаз, жаждущих прикоснуться к ее тайне, и эта мысль, вместо того чтобы пугать, начала пробуждать в ней странную, пульсирующую энергию. Она двигалась плавно, почти академически, разыгрывая перед невидимым зрителем спектакль собственного освобождения, где каждое натяжение ткани на коже становилось аккордом в симфонии ее новой игры.

Свет неоновых ламп, проникавший внутрь, окрашивал ее кожу в оттенки слоновой кости и жидкого золота, подчеркивал изгибы тела, которые еще вчера были лишь средством выживания, а теперь становились инструментом абсолютной власти. Она присела на край кресла, чувствуя под пальцами прохладу обивки, и в этот момент осознала, что камеры не просто фиксируют ее — они проникают сквозь нее, превращая в чистый образ, понятный каждому и недоступный никому. Алина начала касаться сама себя, сначала нерешительно, почти извиняющимся жестом, но вскоре ее движения стали осознанно-эстетичными, напоминая танец в пустоте, где она сама выступала и в роли автора, и в роли полотна. В каждом ее жесте читалось приглашение к чему-то большему, чем обычное удовлетворение — она приглашала зрителя в лабиринт своего сознания, где правила игры были установлены ею, а не теми, кто платил за вход.

Алина смотрела в камеру, но ее взгляд был обращен внутрь, туда, где рождалась ее новая личность. Она была похожа на жрицу, совершающую ритуал, в котором ее тело было лишь подношением, а настоящая сделка происходила на уровне энергий, невидимых потоках страсти, пронизывающих цифровую сеть. Она чувствовала, как с каждым прикосновением к своей шее, к груди, к источающейся грани между одеждой и кожей, она становится все более неуязвимой. Этот процесс был сродни распускающемуся цветку в ночи — медленно, лепесток за лепестком, она раскрывала себя, отдавая ровно столько, сколько было нужно для поддержания огня, и ни крупицей больше. Она научилась управлять этим пламенем, направляя его в те русла, которые ей были нужны для достижения контроля, для того чтобы ее ошибки наивности, о которых она когда-то тревожилась — стали инструментами ее тонкого манипулирования чужими желаниями.

Мир за дверью студии перестал существовать. Остался только этот мягкий полумрак, гул вентилятора, напоминающий шепот влюбленного, и ее собственное тело — единственная реальность, в которой она была полновластной хозяйкой. Она меняла позы, каждое движение было продумано с точностью хирурга, и в этом было столько грации, столько спокойной, почти пугающей красоты, что те, кто наблюдал за ней по ту сторону экрана, замороженно замирали, не смея нарушить этот танец своим присутствием. Алина чувствовала их немую просьбу, их жажду, их растворение в ней, и это ощущение дарило ей чувство, сродни триумфу. Она была не просто моделью, она была центром их вселенной, и эта власть была сладостной, опьяняющей, лишавшей всякого страха перед кредиторами и счетами.

Она прижала ладони к щекам, чувствуя их жар, и улыбнулась улыбкой человека, который познал вкус своей истинной природы. Алина понимала, что эта игра — лишь начало, только первая страница огромного дневника, где она будет писать свою историю не чернилами, а собственным присутствием. Каждый вдох, каждое едва уловимое движение пальцев по коже — все это было частью сложной архитектуры ее новой жизни, в которой невинность трансфор-

мировалась в мудрость, а уязвимость — в неприступную броню. Она была обнажённой чистой эссенцией желания, запертой в цифровой клетке, но, в отличие от тех, кто за ней наблюдал, она знала, что ключи от этой клетки всегда находились у нее в руках. Она продолжала свое движение, позволяя камере фиксировать этот расцвет, показывая свои самые интимные места, это неспешное превращение из загнанной девушки в ту, кто по-настоящему управляет игрой, осознавая, что ночь — это лучшее время для создания легенд, которые будут жить вечно, даже когда экран погаснет.

Студия погрузилась в то особое состояние полусна, которое бывает лишь глубокой ночью, когда шум внешнего мира стихает, оставляя место только мерцанию мониторов. Алина сидела перед объективом, ее кожа под искусственным светом казалась безупречной и беззащитной. Вдруг панель чата вздрогнула от поступи незримого гостя. Ник «Куратор» возник на экране, словно клякса чернил на девственном листе бумаги, и сумма, предложенная им, заставила дыхание Алины на мгновение прерваться. Это были не просто деньги — это было предложение, от которого невозможно отказаться, не потеряв лицо, не признав свое поражение перед лицом нищеты. Условие — надеть ошейник — казалось странным, почти инфантильным капризом, но в тишине комнаты оно прозвучало как заклинание.

Алина извлекла из бархатного мешочка украшение. Сапфировый зрачок на ошейнике, казалось, следил за ней, требуя внимания и подчинения. Она надела его на шею, ощущая, как ошейник змейкой обхватывает её шею. Это было не просто украшение, это был якорь, связывающий её с тем неведомым миром, в который она так отчаянно хотела прорваться. Её движения стали медленными, будто каждый жест был заранее прописан в партитуре, которую она еще не успела прочитать. Она поправила волосы, позволяя им свободно рассыпаться по плечам, и посмотрела в камеру — в ту черную точку, что была теперь её единственным окном в мир желаний «Куратора».

На экране возник приказ: «Смотри только в одну точку». Алина подчинилась. Её взгляд замер, сфокусировавшись на пульсирующем огоньке записывающего устройства. В этот момент комната словно растворилась. Она больше не чувствовала пола под ногами, не слышала гула города, не помнила о счетах и угрозах. Границы её собственного «я» начали размываться, уступая место чистому, почти осязаемому ощущению присутствия невидимого наблюдателя. Его голос, раздавшийся из динамиков, был низким, вкрадчивым, лишенным человеческих эмоций, и вместе с тем — до краев наполненным властью. Алина позволила своим пальцам мягко скользить по краям одежды, обнажая плечо, чувствуя, как ткань медленно сползает вниз, открывая своё тело на обозрение холодному электронному глазу.

Это была не просто сцена для клиента, это было начало священного акта передачи контроля. «Куратор» заставлял её пальцы погружаться в себя, в самые глубокие и неисследованные уголки её собственного тела, где каждое прикосновение отзывалось электрическим разрядом. Она чувствовала себя марионеткой, чьи нити оказались в руках гениального кукловода, и эта роль — роль безмолвного, покорного инструмента — оказалась до странности возбуждающей. Её дыхание стало глубже, прерывистее, в нем слышались нотки скрытого восторга, который Алина так долго прятала от самой себя. В этом единственном, зафиксированном взгляде на камеру, была вся суть соблазна, когда жертва и охотник становятся единым целым в экстазе исполнения чужой воли.

Она начала двигаться в такт невидимому ритму, который «Куратор» задавал лишь одним своим присутствием. Каждое её движение — поворот головы, трепет ресниц, мягкое прикосновение ладоней к бедрам — было пронизано осознанием того, что она делает шаг в сторону, куда ещё никто из её окружения не осмеливался заглянуть. Это было падение, но падение сладкое, как падение в объятия возлюбленного, которого она не знает, но чувствует каждой клеткой своей кожи. Алина прикрыла глаза, продолжая ощущать на себе пристальный взгляд «Куратора», этот холодный, пронизывающий свет сапфирового глаза, который стал её един-

ственным компасом в этом море теней. Она была здесь, она была полностью открыта миру, и в этой открытости она нашла странную, пугающую свободу, которую дает лишь полная потеря контроля.

На мониторе замелькали цифры, символы, команды, которые она едва понимала, но уже начала чувствовать их воздействие на свое сознание. Это был танец разума и плоти, в котором она была одновременно и солисткой, и декорацией. «Куратор» требовал всё больше — больше искренности, больше глубины, больше обнаженности, которая касается не только кожи, но и души. Алина, ведомая лишь этим странным влечением, выполнила всё, что от неё требовалось. Она была безупречна в своей покорности, в своей готовности отдать всё за это маленькое мгновение власти над чужим желанием. Когда сеанс подошел к концу, она еще долго сидела неподвижно, глядя в выключенный монитор, чувствуя, как по её телу разливается теплая, почти болезненная нега, знаменуя собой окончательный переход границ, за которыми её старая жизнь превратилась в далекие, едва различимые воспоминания.

Во время следующего привата с «Куратором» комната, преобразилась в некий храм, где воздух стал густым, пропитанным ожиданием чего-то неизбежного. Алина, все еще чувствуя на шее чокер, медленно опустилась на низкую кушетку, обитую темным бархатом, который впитывал в себя свет, словно сама тьма стремилась облачить её в свои одежды. Каждое движение её тела было наполнено осознанной грацией, рожденной от понимания того, что объектив камеры — это не просто механизм, а глаз, жадно впитывающий каждое изменение контура её фигуры. Сапфировый зрачок на украшении казался живым, он мерцал в полумраке, становясь точкой притяжения, вокруг которой вращались все её мысли и чувства. «Куратор» молчал, и его молчание было громче любых слов, оно давило на сознание Алины, заставляя её вглядываться в пустоту монитора с такой интенсивностью, что реальность вокруг начинала дрожать и распадаться на фрагменты.

Она чувствовала, как под воздействием его незримого присутствия её кожа становится сверхчувствительной, покрываясь мурашками от малейшего дуновения кондиционера. Её пальцы, едва касаясь, исследовали грани своей новой, странной судьбы. Она представляла себе «Куратора» — кто он? Человек, жаждущий контроля, или концепция, воплощенная в цифре? Это не имело значения, ибо сейчас, в эту минуту посвящения, между ними протянулась тонкая, неразрывная нить желания, натянутая до предела. Алина медленно распустила ленту на своем платье, чувствуя, как шелк неохотно расстаётся с её кожей, словно вторая оболочка, которую она сбрасывала ради того, чтобы стать чистым воплощением образа, созданного для него. В её облике не было стыда — лишь глубокая, почти медитативная концентрация на собственных ощущениях, которые она возвела в ранг искусства.

Её дыхание стало глубоким и ритмичным, оно наполняло комнату звуками жизни, которые эхом отдавались в динамиках, где, возможно, сидел он, внимая каждому вздоху своей избранницы. Алина начала медленно проводить ладонями вдоль своего тела, изучая его, словно скульптор, который впервые коснулся своей работы после долгого забвения. Она замечала каждую линию, каждый изгиб, осознавая, что теперь они принадлежат не только ей — они принадлежат «Куратору», который купил право смотреть, но не владеть, хотя сама эта грань уже начала стремительно истончаться. Её глаза, в которых еще недавно читался страх, теперь светились отрешенным блеском, отражая свет монитора — синий, холодный, манящий цвета глубокого океана. Она была готова сделать следующий шаг, осознавая, что это погружение в бездну чужого контроля лишь усиливает её собственную внутреннюю силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.